

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ПРЕЗИДЕНТ СОЮЗА
НЕФТЕГАЗО-
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
РОССИИ
Геннадий Иосифович
Шмаль

ТРЕБУЕТСЯ «КИСЛОРОДНАЯ ПОДУШКА»!

В экономике все отрасли имеют важное народно-хозяйственное значение. Но в сегодняшнем критическом положении экономическая политика должна быть сориентирована на модель агрессивного развития экономики с упором на экспортный сектор. Какие экспортные отрасли, на мой взгляд, следовало бы при структурировании промышленной политики выделить особо? Нефтедобычу и нефтепереработку, газовую промышленность и металлургию, ВПК и химическую промышленность... Именно они должны стать «кислородной подушкой» для реального сектора экономики, пропорционально получить в первую очередь стимулирующие условия для роста экспорта, доступные кредиты, снижение налоговой нагрузки, транспортных тарифов, таможенных сборов. Именно так! Ввиду сложившейся геополитической ситуации развитие ТЭК необходимо возвести в национальный проект государственной важности. Это не только мое мнение. Таково мнение экспертов, руководителей регионов с нефтегазодобывающей ориентированностью, профессионального отраслевого сообщества. В совокупности своих отраслей ТЭК образует энергетический базис современного (и не только российского) общества. ТЭК, по международной классификации секторов хозяйства, относится к инфраструктуре, благополучие которой – необходимое условие даже не роста, а самого существования экономики.

Почему мне приходится пояснять вроде бы азбучные истины? Причины для этого есть, и самые серьезные! Некоторые либеральные экономисты пытались объяснять проблемы нашей экономики «ресурсным проклятием», пугали «опасностями излишнего внимания власти к ТЭК». Настоящим же проклятием является то, что финансовые «специалисты», будучи во власти, оказываются неспособными использовать доходы, которые страна получает от разработки природных ресурсов. Что же это ими выстроена за экономическая система, при которой важнейший продукт оказывается, по их же мнению, проклятием? И это при существующей в мире жесткой конкуренции за доступ к ресурсам! В странах, с которыми мы пытаемся конкурировать и которым, кстати, эти «специалисты» подражают, напротив, к энергетическому базису относятся ревниво, вплоть до обстрела строптивых нефтеносных стран крылатыми ракетами, понимая, что никакими либеральными свободами котел самой захудалой ТЭЦ не разожжешь и двигатель внутреннего сгорания не запустишь.

На наш взгляд, также следует говорить не об «опасностях», которые якобы таятся в отставивании перед властью «корпоративных интересов ТЭК». Говорить надо о реальной для России опасности, исходящей от власти, у которой нет стратегического интереса к ТЭК, нет продуманной протекционистской политики в отношении развития отечественного нефтегазового комплекса.

Опережающее развитие топливно-энергетических отраслей актуально по причине климатических, технологических и балансовых особенностей экономики России. Хотя промышленное производство в стране снизилось почти в половину, сколько-нибудь заметного уменьшения внутреннего потребления энергоресурсов не произошло. Малейшее оживление в реальном секторе неизбежно вызовет рост потребности в энергоносителях на внутреннем рынке. Специалисты утверждают, что 1% промышленного подъема в России будет стоить 1,5–2% роста спроса на энергоносители. Такова структура отечественной экономики: набор ее технологий, вы-

пускаемых и применяемых конструкционных материалов при крайне слабо развитом энергосбережении.

Развитие экспорта энергоносителей вызывает порой критику политического характера: в общественное сознание внедряется миф о «разбазаривании национального богатства». Реально в России за 100 лет добычи нефти, по оценкам специалистов-геологов, не использовано и четверти потенциальных запасов углеводородов. Только официально рассчитанных запасов хватает не менее чем на 50 лет, и это без Восточно-Сибирской провинции и северных шельфов (для сравнения: в США запасов на 15 лет).

Другое дело – критика товарной структуры внешнеэкономической деятельности России, слишком малая по сравнению с энергоносителями доля продуктов высокой степени обработки в экспортном ассортименте. Здесь стоило бы подумать о том, чтобы ввести в экономический оборот критерий «антикризисной значимости», который мог определять скорость, с которой финансы и продукты конкретной отрасли способны вывести страну из кризиса, стимулируя деятельность других, в том числе жизненно важных, отраслей. Но это вопрос дискуссионный.

НА ГОЛОДНОМ ПАЙКЕ ДАЛЕКО НЕ УЕДЕШЬ

Не так давно Президент Российской Федерации отметил, что наблюдающийся экономический спад обусловлен внутренними, а не внешними причинами. Это очень важное заявление. Наша экономика очень серьезно зависит от внешних факторов, что не является большим открытием. Экономический кризис 2008 года мы прошли тяжело, с большими потерями, правда, без должных выводов из той ситуации. Предкризисный уровень восстановили довольно быстро, но произвести кардинальные перемены в структуре экономики не удалось.

После кризиса 2008 года мы попали в ситуацию, к которой оказались не подготовлены. Начали сказываться последствия колоссального недоинвестирования в нашу экономику в 1990-х годах. Начался процесс интенсивного выбытия устаревших и изношенных мощностей и оборудования. Безусловно, кое-что в период с 2000 по 2008 год удалось сделать, но эти меры не компенсируют те огромные технологические потери, какие наша промышленность понесла в 1990-е годы. По свидетельству экспертов, сейчас мы вступили в такой период, когда в течение ряда лет нас ожидает ежегодное выбывание производственных мощностей в объеме 2% ВВП, а такой рост ВВП обеспечивает только топтание на месте.

Ключ решения проблем – в усилении инвестиционного процесса. Сегодня из-за сложившейся ситуации с ежегодным выбыванием производственных мощностей они нужны в многократно большем объеме. Проблема модернизации приобретает жизненно важный характер. И инвестировать надо не в создание мощностей прошлого века, а в создание современных мощностей. Совершенно права та группа экономистов в Правительстве России, исходящих из того, что главные пробле-

мы лежат в сфере институционального несовершенства экономики. Они призывают совершенствовать механизмы функционирования экономики, говорят о необходимости структурных реформ. Необходим перелом в экономическом развитии страны. И возможности для этого имеются.

Но сегодня, в пылу обсуждения политических и экономических проблем, внутренних и внешнеполитических, как-то стали забывать о главном направлении – модернизации промышленности, прежде всего ТЭК. В нефтегазовой отрасли накопились серьезные кризисные явления, и вызваны они причинами и проблемами, о которых говорится уже давно. Это большой износ и старение основных фондов, массовое выбытие из эксплуатации мощностей, острый дефицит инвестиций и, как следствие этого, отставание с внедрением в производство новых технологических процессов, современно высокопроизводительного и надежного оборудования. По оценке экспертов, срок технических и технологических возможностей нефтегазового комплекса, созданных и заложенных еще в советский период, заканчивается. Инвестициями косметического характера уже не обойдешься – необходимы вложения кратного порядка. По разным оценкам специалистов, для требуемой сбалансированности запасов нефти и обеспечения стабильной работы отрасли с годовой добычей 400 млн т в год требуется инвестировать в нефтяной комплекс не менее 40 млрд (!) долларов ежегодно. (Мы добываем более 500 млн т.) Это обусловлено необходимостью вкладывать средства в организацию крупномасштабных поисковых работ, связанных с определенным риском добычи и переработки нефти и газа, строительства нефтегазопроводов, электростанций и линий электропередачи, с развитием огромной обслуживающей инфраструктуры и финансированием смежных отраслей по обеспечению топливного комплекса необходимым объемом труб, цемента, леса, машин, оборудования и многого другого. Бесспорно, что такие огромные затраты выходят за рамки бюджетного финансирования и возможностей местного банковского капитала и требуют при осуществлении крупных энергетических проектов внешних заимствований, привлечения прямых и портфельных инвестиций. Это общепринятая практика и для промышленно развитых держав, и для стран с переходной экономикой. Естественно, с учетом национального интереса и рамок энергетической безопасности. Но иначе нельзя. Или наступит время, когда мы можем горько пожалеть о том, что скупались на инвестирование топливного комплекса. Мы и так сегодня уже примерно на 26-м месте в мире по внутреннему потреблению нефти на душу населения. Впереди нас даже Финляндия и Швейцария, где практически отсутствуют природные запасы углеводородов.

В ПЛАВАНИИ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ЛОЦМАНСКИХ КАРТ

Нельзя не признать, что большинство проблем управленческого, финансового и даже криминального харак-

тера возникали и развиваются по сей день на почве отсутствия необходимой законодательной базы. Рынок создали волевым решением президента, а условия рыночной игры не придумали. Как сказали бы моряки, отправились в плавание, не имея лоцманских карт. Взяв курс на крупномасштабную приватизацию, государство даже не озаботилось правовой базой для этого. Объявив о рыночных отношениях, по сей день путаемся в старых законодательных схемах, регулирующих правовые взаимоотношения административным путем. Пробел, одним словом, большой. И его нужно заполнять безотлагательно. На мой взгляд, такая программа должна содержать три важных момента.

Прежде всего, для того чтобы привлекать серьезные инвестиции, нам нужно законодательство, регулирующее все стороны производственных отношений, не оставляющее никаких возможностей для разночтения, а кроме того – политические гарантии верховной власти.

Второе – жесткий контроль на президентском уровне. Считаю этот вопрос очень важным, тем более когда на повестке дня остро стоят такие вопросы, как топливный баланс страны, стратегическое развитие различных направлений геологоразведки, увеличение глубины переработки нефти и газа, совершенствование энергосберегающих технологий, развитие альтернативных видов энергии, аккумулярование в этой части научного потенциала. Для этих целей, думаю, следовало бы образовать не один консультативный совет при правительстве или президенте. Это касается и внешнеэкономической деятельности по поддержке продвижения предприятий российского ТЭК за рубежом. У Союза нефтегазопромышленников России есть договор о сотрудничестве с МИД России, но этого мало. В этих вопросах необходимо внимание и контроль, возможно, даже Совета Безопасности Российской Федерации.

И третий момент – управление, координация и контроль на отраслевом уровне. Логично считать, что этим должно заниматься Министерство энергетики Российской Федерации, ответственное за реализацию энергетической стратегии России. Но... Сегодняшнее состояние нефтегазового комплекса России, неблагоприятные тенденции, стремительно развивающиеся в этой ведущей отрасли отечественной промышленности, прогнозы специалистов – всё говорит о том, что топливный комплекс безотлагательно требует усиления государственного органа, который мог бы эффективно отстаивать стратегические государственные интересы. Во всех странах с высокоразвитой рыночной экономикой функционируют подобные министерства. Министерство энергетики существует и в США, и это одно из ведущих государственных органов управления. В нашей стране всё доводится до абсурда: отраслевому министерству, так сказать, штабу по управлению отраслью, в результате бесчисленных реформ в течение ряда лет «помогли» утратить свои управляющие функции, «сдать» свои полномочия в пользу других министерств... И свой кадровый потенциал министерство, растеряв высококвалифицированных профессионалов, значительно снизило.

Впрочем, это касается и других отраслей экономики. В России, где рыночные механизмы не отлича-

ются совершенством, целенаправленные «реформаторские» решения исполнительной власти о нивелировании, а иногда и об упразднении важнейших штабов, управляющих ведущими отраслями экономики, не только опрометчивы, но просто недопустимы.

Что касается других конкретных предложений по совершенствованию налогового законодательства в области ТЭК, то, если коротко, они касаются возможности использования средств, отчисляемых на воспроизводство минерально-сырьевой базы, геологическими, нефте- и газодобывающими компаниями в экстерриториальном режиме, то есть для разведки и доразведки наиболее рентабельных запасов в регионах, где такие отчисления не формируются. Касаются они и освобождения компаний нефтяной и газовой отраслей от уплаты таможенных пошлин и НДС на ввозимое импортное оборудование при отсутствии отечественных аналогов. И установления тарифов на перекачку нефти и газа, обратно пропорциональных расстоянию перекачки, что является одним из ключевых рычагов стимулирования освоения новых отдаленных нефтегазовых провинций, и др.

В дальнейшем, на мой взгляд, необходимо сформировать единую целостную систему законодательно-правовых актов в сфере топлива и энергетики в виде энергетического кодекса, обеспечивающего стратегические интересы государства, эффективное государственное регулирование хозяйственно-правовых взаимоотношений в условиях рынка, все необходимые правовые аспекты деятельности компаний и предприятий ТЭК.

А для создания более благоприятного инвестиционного климата было бы необходимо выделить и разработать три составляющих системы налогообложения: налог на прибыль; изъятие государством части рентных платежей через механизм роялти, учитывающий как сравнительные горно-геологические условия, так и стадию реализации проекта нефтедобычи; изъятие государством части сверхприбыли. И эти предложения уже давно активно обсуждаются в парламенте.

В конечном итоге все мы – и государство, и компании нефтегазового комплекса – заинтересованы в разумном недропользовании.

СЕГОДНЯ НАДО ДВИГАТЬСЯ

ТОЛЬКО ВПЕРЕД

Проблем в нефтегазовом секторе, как я уже говорил, множество. Но мне совершенно не хочется в этой статье, что называется, сползти в критический уклон. Сегодня в правительственных структурах, в обществе стремление одно – двигаться только вперед. Мне же хотелось бы сейчас подчеркнуть одно: если государство намерено проводить рациональную промышленную политику (а без такой политики экономика лишается каких-либо перспектив для развития), следует безотлагательно выработать правила игры, расставить новые экономические приоритеты развития и помощи.

Инновационный путь развития промышленности, в том числе и топливного комплекса, утвержденный

руководством страны, поставил перед отечественными компаниями ТЭК вполне конкретные задачи. Россия должна сохранить лидирующие позиции в мировой энергетике, а нефтегазовая отрасль – стать крупным генератором инноваций и развиваться как наукоемкая. Реализация этих высоких задач, как и всё будущее нефтяной и газовой промышленности, зависит от того, какие новые прорывные технологии будут использоваться нефтяными компаниями, какое новое оборудование они смогут применить, какие новые методы разработки сложных и трудных месторождений будут использованы, какие специалисты придут завтра в отраслевые подразделения. То есть можно определенно говорить о том, что новый курс нефтегазового комплекса – инновации и прорывные технологии...

Мировой (и наш родной – советский) опыт подсказывает: если желаешь значительных результатов – играй по-крупному. Нам нужны масштабные цели. Для нас это может быть освоение Восточной Сибири, развитие нефтепереработки, нефтехимии, газохимии. Следовать курсом на инновации и модернизацию, но действовать рачительно и продуманно, основываясь на накопленном опыте и профессиональных традициях. Я бы вновь напомнил всем опыт освоения Западной Сибири.

Но для начала следовало бы реализовать ряд мер.

Первоочередные – помощь реальному сектору экономики, нефтяным компаниям, прежде всего малым и средним. В частности, дать отсрочку, а затем снизить НДС, снизить таможенные пошлины, а для разработчиков месторождений Восточной Сибири на первом этапе сделать их нулевыми. Разработать эффективную национальную кредитную систему, доступную и с разумными процентными ставками. Издать указ президента или постановление правительства об арендных отношениях крупных нефтяных компаний-недропользователей и малых компаний в отношении использования простаивающих нефтяных скважин. Если ввести в действие 10 тыс. простаивающих скважин, это могло бы дать прибавку к добыче в объеме 12–15 млн т в год.

Учитывая специфику малых компаний, отсутствие большого обоза, можно утверждать, что их деятельность эффективнее, чем крупных, в плане затрат, себестоимости и т.д. Конечно, нужна определенная поддержка «малышей», некоторые преференции. Это можно было бы сделать, приняв специальный закон о малом бизнесе в нефтяной и газовой сфере.

Второй блок – это среднесрочные меры, включающие в себя налоговые каникулы на время кризиса при освоении новых месторождений независимо от их местоположения. Найти форму возврата к налогу на воспроизводство минерально-сырьевой базы или механизм стимулирования участия нефтегазовых компаний в приросте запасов нефти и газа. Стимулировать выпуск моторных топлив Евро-5, Евро-4. Следует также оптимизировать федеральные целевые программы, составить перечень очередности и приоритетности и утвердить законодательно. Принять необходимые меры по сокращению темпов роста на тарифы естественных монополий. Принять меры по сохранению рабочих мест. Значитель-

но активизировать работу по созданию технических регламентов и государственных стандартов.

Третий комплекс мер – перспективные проекты. Здесь следовало бы поставить на первое место проблему запасов. Нельзя допустить сокращение поисково-разведочных работ. Далее. Необходима оптимизация экспорта топливно-энергетических ресурсов. Развитие отечественной нефтепереработки. Поддержка инициатив частных предпринимателей, финансовых структур по строительству новых и реконструкции существующих нефтеперерабатывающих заводов. Инновационная политика – у нас об этом много говорят, а делают мало. Может быть, стоит подумать о создании государственно-частной корпорации по внедрению новых технологий, новых разработок, машин, механизмов, оборудования, как предлагают некоторые специалисты.

Уверен, освоение Восточной Сибири должно стать общенациональным проектом. И это правомерно в полной мере. В Энергетической стратегии России на период до 2020 года содержатся важные ориентиры, принятые на основе разработанной Сибирским отделением РАН Концепции развития нефтегазового комплекса Восточной Сибири и Дальнего Востока с учетом реализации перспективных международных проектов. Правительство Российской Федерации утвердило Стратегию экономического развития Сибири. В ней подчеркнута «необходимость создания новых центров добычи нефти и газа в Восточной Сибири». В этом документе особое внимание уделено строительству транспортных коммуникаций, предусматривается диверсификация экспорта с выходом на рынок Азиатско-Тихоокеанского региона.

ОТКРЫВАЙ СВОИ КЛАДОВЫЕ, РОССИЯ!

Действительно, в Восточной Сибири (в Иркутской области и Красноярском крае, включая автономные округа), Республике Саха (Якутия) и на шельфе о-ва Сахалин созданы основы мощной сырьевой базы для формирования новых центров добычи нефти и газа, открыто большое число углеводородных месторождений. Крупнейшие из них: Юрубчено-Тохомское, Ковыктинское, Чаиндинское, Талаканское, Верхнечонское, Сабинское, Среднеботуобинское, Чайво, Лунское, Пильтун-Астохское и др.

Разработка нефтяных «кладовых» Восточной Сибири и Дальнего Востока позволит удовлетворить потребности региона и экспортировать значительные объемы нефти, газа и продуктов их переработки в страны Северо-Восточной Азии. Кроме того, в результате освоения газовых месторождений Лено-Тунгусской нефтегазоносной провинции Россия может стать крупнейшим производителем и экспортером гелия в мире. Приход крупного отечественного капитала в результате освоения углеводородного потенциала поможет преодолеть ослабление экономических позиций государства в восточных регионах страны. Будет интенсифицировано социально-экономическое развитие Восточной Сибири и Дальнего Востока, созданы новые рабочие места в нефтегазовом и других секторах экономики.

При строгом обеспечении системного, комплексного подхода к разработке и осуществлению планов освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока можно рассчитывать и на структурные изменения в экспорте: на повышение в нем доли овеществленного труда, увеличение в ассортименте процента готовой продукции глубокой переработки. На базе доставляемой к морю нефти и транспортируемого с Сахалина и Ковыкты газа следует планировать, закладывая производство на экспорт высококачественных нефтепродуктов, удобрений, других нефтехимических товаров, гелия и иных продуктов, не говоря уже о том, что наличие энергии и сырья заложит основу для многопрофильного промышленного развития.

Благодаря таким проектам отечественные нефтяные компании, перерабатывающие заводы смогут заняться модернизацией производства, сделать упор на повышение глубины переработки минерального сырья.

Эту проблему необходимо также возвести в национальный проект государственной важности. Давно уже в нашей стране специалисты говорят о том, что пора развивать высокотехнологичное производство, увеличивать экспорт продуктов с высокой добавленной стоимостью.

Одна оговорка: только при политической воле государства, государственных институтов власти и государственной поддержке возможен новый сценарий модернизации отрасли нефтегазопереработки, поворот вектора инвестиционной политики на эффективное и комплексное использование природных ресурсов, технологическое обновление нефте- и газодобычи, перерабатывающего сектора.

Кстати, анализ показывает, что сегодня в самых крупных и конкурентоспособных странах государство принимает самое непосредственное участие в бизнесе, создает эффективные рыночные условия для его развития, не забывая о реализации насущных социально-экономических задач. И это очень поучительно.

ТРЕБУЮТСЯ НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕРАБОТКИ? ОНИ ЕСТЬ!

Участие государства, притом масштабное участие, в развитии той же нефтепереработки практиковалось в Америке в 70-е годы прошлого столетия. Это произошло во время нефтяного кризиса, когда ОПЕК сначала ввела эмбарго на поставки нефти западным странам, а затем резко подняла цены. В результате изменения конъюнктуры закрылось более 50 нефтеперерабатывающих предприятий, загрузка на других сократилась до 70%. В Америке была поставлена задача масштабного обновления нефтеперерабатывающих мощностей с целью повысить уровень выхода светлых нефтепродуктов. В течение 1980-х годов программа была полностью реализована, практически все заводы подняли глубину переработки до 90–95%. Радикально изменилась и структура ВИНК: после модернизации перерабатывающих мощностей центр финансовых поступлений сместился в сектор переработки и добычи. Сейчас они перерабатывают в два раза больше нефти, чем добывают.

Кстати, Китай к тому, что добывает, закупает еще примерно такой же объем – и всё перерабатывает... Мы перерабатываем менее половины того, что добываем.

Россия – крупнейшая нефтедобывающая держава, но взглянем на состояние отечественного автопарка, его качество. На 60% это автомобили с устаревшими двигателями, использующими 76-й, 80-й бензин. А ведь здесь следует учесть прежде всего, что в России до настоящего времени не решена проблема качества продукции нефтеперерабатывающей промышленности. Новые же автомобили, производимые у нас, не оборудуются катализаторами, дожигателями CO, что не стимулирует роста качества бензина. Цена на дизельные топлива различного качества по содержанию серы, других компонентов практически одинакова. Ясно, что в этих условиях необходимы меры, позволяющие стимулировать производство именно высококачественных, в том числе экологически более чистых, нефтепродуктов, и рыночными методами (акцизы, налоги), и административными (правовые акты и нормативы, стандартизация).

Потенциал сырьевой базы нефтедобычи достаточно большой для того, чтобы решать текущие задачи обеспечения страны нефтью и нефтепродуктами и поддерживать на достигнутом уровне объемы их экспортных поставок. Но надо учитывать такие цифры: в том же 2013 году мы добыли 523 млн т нефти, пустили на первичную переработку 275 млн т при суммарной мощности НПЗ в 296 млн т.

Сегодня в нашей стране работают более 30 крупных нефтеперерабатывающих заводов с объемами переработки около 1 млн т в год. По общей мощности отечественная нефтеперерабатывающая промышленность занимает 3-е место в мире, уступая США и Китаю. Однако по технологическому уровню развития переработки мы здорово отстаем от уровня развитых стран. Об этом прежде всего свидетельствуют низкая глубина переработки нефти, высокая доля выхода низкокачественных темных нефтепродуктов.

Несмотря на подписание новых технических регламентов, что должно было влиять как стимулирующий фактор на увеличение глубины переработки, в структуре выпуска нефтепродуктов в стране продолжает доминировать производство тяжелых и средних фракций, прежде всего мазута и дизтоплива. Приведу данные 2013 года (эта статистика наиболее точна): доля дизельного топлива в структуре производства нефтяных топлив и масел составила 36%, топочного мазута – 38%, автобензина – 19%, иных прочих нефтепродуктов – бензина авиационного, авиакеросина, масел – около 7%.

Подчеркиваю: несмотря на все заявления о необходимости увеличивать глубину переработки нефти в России, показатели которой в государственных и отраслевых стратегических документах зафиксированы на уровне 95%, глубина переработки из-за увеличения выпуска темных нефтепродуктов снизилась с 71,2% в 2012 году до 70,4% в 2013-м. В развитых странах этот показатель колеблется от 85 до 95%.

Вывод: для стимулирования выхода отечественной нефтегазоперерабатывающей промышленности на

современный уровень необходима национальная государственная инновационная программа в сфере переработки углеводородов, которая должна включать несколько важнейших позиций:

- коренную модернизацию действующих НПЗ;
- ускоренное развитие газоперерабатывающей, нефтегазохимической и гелиевой промышленности, прежде всего в Западной Сибири и на востоке страны, уточнение и гармонизацию сроков ввода перерабатывающих мощностей с началом добычи газа и строительством газотранспортной инфраструктуры;
- внедрение новых нормативов резкого повышения глубины переработки нефти и снижения потребления нефти на 1 т целевых продуктов, повышения качества производимых нефтепродуктов, отвечающих современным и прогнозируемым на перспективу стандартам индустриально развитых стран;
- повышение эффективности утилизации попутного нефтяного газа;
- диверсификацию сырьевой базы нефтехимии за счет широкого использования продуктов переработки попутного нефтяного, высококонденсатного свободного газа (имеются в виду ШФЛУ, этан);
- строительство новых НПЗ с целью насыщения региональных рынков, имеющих дефицит производства нефтепродуктов;
- снижение энергоемкости нефтепереработки и нефтехимии.

Несколько слов о системе транспорта. Одним из приоритетных направлений инновационного развития нефтегазового комплекса должна стать модернизация существующей системы транспорта углеводородов. Этот процесс включает в себя увеличение энергоэффективности транспорта, сокращение потерь при эксплуатации трубопроводной инфраструктуры, реконструкцию и модернизацию нефтегазопроводных объектов, повышение эффективности технологических режимов работы магистральных трубопроводов. В отраслевых планах зафиксировано, что до 2020 года должно быть модернизировано и реконструировано около 20 тыс. км газопроводов и 10 тыс. км нефтепроводов. Будем оптимистами!

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НУЖДАЕТСЯ В ПОДДЕРЖКЕ ГОСУДАРСТВА

В условиях экономических санкций со стороны США и Евросоюза, запретивших предоставлять российским нефтегазовым компаниям услуги по разведке и добыче глубоководной и арктической нефти, поставлять плавучие установки для добычи на шельфе, высокотехнологичное оборудование для глубоководной добычи нефти и работы в Арктике, в осложнившейся внешнеполитической обстановке проблема импортнезависимости, новая инновационная политика в нефтегазовом комплексе стали для России важнейшей государственной задачей.

Особенно актуальна эта проблема в сфере нефтепереработки, в деле освоения шельфа, где используется особенно много западной техники и технологий. Потенциально под санкции попали и почти все проекты по трудноизвлекаемым запасам.

Крайне негативным для отрасли может стать также уход из России ведущих нефтесервисных компаний и введение эмбарго на поставки сервисного оборудования. Замечу, что доля иностранцев в отечественном сервисе относительно невелика, в пределах 15–20%. Но именно они осуществляют наиболее высокотехнологичные операции, которые не могут выполнить наши подрядчики. А доля импортного оборудования, используемого в отечественном нефтесервисе, приближается к 80%. Основные причины этого прослеживаются в истощении традиционных нефтегазовых провинций, что приводит к необходимости освоения новых регионов и нетрадиционных запасов. Сегодня, правда, отечественный сервис постепенно восстанавливается после кризиса 2008–2009 годов. Но зачастую для освоения новых регионов требуются более совершенные технологии и значительные инвестиции. Это ставит перед нефтесервисными компаниями новые вызовы, в том числе и в вопросах импортозамещения.

Они существенны. Перечислю основные проблемы:

- зависимость нефтяников от импорта сегодня носит критический характер: доля импортного оборудования и технологий в целом достигает 80%, а по отдельным категориям, таким как оборудование для шельфовых проектов или программное обеспечение, может превышать 90%;
- недостаточный объем инвестиций в НИОКР и фактический отказ от создания собственных базовых технологий добычи и переработки углеводородного сырья;
- хотя в России более 200 предприятий – производителей нефтегазового оборудования, однако импортозамещение по большинству категорий станет возможным не ранее 2018–2020 годов;
- недостаток финансирования и привлечение кредитных ресурсов, в том числе из стран, которые не вводили санкции против России.

Всё это – повод серьезно задуматься над новой инновационной политикой, особенно при освоении Восточной Сибири. Она требует безотлагательных мер, общероссийского подхода, включения составной частью в общенациональную идею, применения богатейшего опыта отраслевого строительства.

Естественно, такие глобальные вопросы нуждаются в координации, стратегическом управлении, контроле и помощи. Союз нефтегазопромышленников России в плотном сотрудничестве с комитетом РСПП по энергетической политике и энергоэффективности, комитетом ТПП России по энергетической стратегии и развитию ТЭК намерены продолжать бороться за сохранение и усиление влияния государства в промышленной политике нашей страны, прежде всего в нефтегазовом секторе.

Взять акваторию Баренцева моря. Этот регион считается одним из наиболее важных районов будущей раз-

работки нефтегазовых ресурсов, и наибольшая их часть находится в российском секторе. Будем реалистами: у нас накоплен гигантский опыт работы на российских и иностранных месторождениях, но освоение шельфа – это новый этап в развитии экономики и науки страны, связанный с созданием новых высоких технологий. Нам предстоит открыть 60% нефтяных и 75% газовых месторождений в акваториях и на суше, на что потребуются огромные средства. Если будем привлекать иностранные инвестиции с преобладанием российской доли и обеспечением полного контроля над ситуацией, будет разумнее. Если нет – необходим поиск своих ресурсов.

Что касается нашей промышленной базы и технологий, то для освоения арктических недр наши судостроительные компании могут и будут строить новые ледостойкие платформы и автономные комплексы для подводной нефте- и газодобычи.

Одна из основных проблем отрасли – снижение объемов разведанных запасов и темпов бурения. Наиболее перспективны для увеличения запасов так называемые трудные месторождения, с трудноизвлекаемыми запасами (ТРИЗ). Только на севере Западной Сибири и в Ханты-Мансийском автономном округе на них приходится 67% всех запасов. ТРИЗ характеризуются низкой выработанностью и высоким процентом извлечения. В этом регионе ярким примером ТРИЗ являются месторождения баженовской свиты. Эта группа месторождений уникальна, так как отличается не только большим объемом запасом, но и качеством нефти. По оценкам экспертов, извлекаемые запасы баженовской свиты находятся на уровне 20 млрд т, а ресурсы – 111 млрд т. Благодаря налоговым стимулам добыча на бажене растет. В 2010 году добыто 63 тыс. т, в 2013 году – уже 725 тыс. т. Для того чтобы увеличить объем запасов, государству необходимо продолжить стимулирование добычи трудноизвлекаемой нефти.

Потенциально под санкции попали проекты по освоению ТРИЗ. Расширение эмбарго на предоставление таких услуг, как бурение и скважинные исследования, включая каротаж, пока является сравнительно безобидным, так как касается только работ на глубоком шельфе, в Арктике и на месторождениях сланцевой нефти, а в рамках этих проектов добыча либо вообще не ведется, либо она минимальна. Но если подобные ограничения будут расширены на традиционные месторождения, то последствия могут быть ощутимыми.

Что в этих условиях следует сделать? Необходимо ускоренно развивать нефтегазосервис и базы для производства необходимого оборудования. Для того чтобы быть готовыми к полномасштабной работе с баженами, нам в ближайшие годы нужно серьезно увеличить парк тяжелых буровых станков, установок для гидроразрыва. Необходимо дать компаниям льготы и преференции по применению третичных методов...

Как подчеркнул один из руководителей нашего нефтегазозонального региона, нам необходимо дать четкий сигнал нашим западным партнерам, что мы продолжаем сотрудничество и режим тоталитарного диктата неуместен, отметив при этом, что следует развивать собственный нефтесервис, и на уровне Федера-

ции создать документ, который будет стимулировать недропользователей.

Инновационное развитие должно напрямую коснуться становления отечественной сервисной и машиностроительной индустрии для нефтегазовой и перерабатывающей промышленности. Это также одно из ключевых направлений нашей работы. Пока дела на этих участках не блестящие: значительное количество буровых установок страна закупает в Китае, специальное оборудование – в США, Канаде. И это очень важный фактор, сдерживающий внутреннее развитие отрасли, и важнейший стимул для политики импортозамещения.

К сожалению, как ни банально это прозвучит, особенно для слуха правительственных структур, вынужден вновь признать: действующая налоговая система не стимулирует эффективно стратегические и текущие инвестиции в добывающие отрасли, снижает инновационную деятельность компаний, снижает стимулы к освоению трудноизвлекаемых остаточных запасов углеводородов, а также новых месторождений и не обеспечивает объем геолого-разведочных работ, необходимых для воспроизводства нефтяных запасов. Песня старая, но решать этот давно назревший вопрос необходимо!

Примером «особого» отношения к нефтяному комплексу в России может служить такой факт: ежегодно нефтегазопромышленники вносят в бюджеты всех уровней и государственные внебюджетные фонды более 60% своей выручки. Для сравнения: в США, Канаде, Норвегии и Великобритании выплаты государству не превышают 25–30% валовой выручки нефтяных компаний.

Если говорить об импортозамещении, следует заметить, что налоговый пресс не позволяет ТЭК активно участвовать в конверсии ВПК на производство продукции нефтяного и газового машиностроения. Не занимается этой проблемой должным образом и государство. Здесь общие интересы нефтяников и газовиков совпадают с интересами части российского ВПК. Возникает повод для совместной борьбы на этом поле за государственную поддержку. Ведь следует обязательно учитывать, что производство машиностроительной продукции оживит смежные отрасли – металлургию, производство средств автоматизации и приборостроения. В этом смысле нефтяную промышленность и называют иногда локомотивом, который сможет вытянуть из кризиса отечественное машиностроение. Специалисты считают, что одно рабочее место в нефтегазовом комплексе создает девять рабочих мест в смежных отраслях. С учетом наших пространств это неизбежно приведет к росту автомобильных перевозок, а следовательно, к увеличению внутреннего спроса на нефть и нефтепродукты.

Уверен, хорошо скоординированные действия органов власти и добывающих компаний позволят использовать санкции как логическую необходимость импортозамещения на рынке услуг и технологий в сфере геологоразведки и добычи полезных ископаемых.

Правда, пока вместо таких продуманных скоординированных действий отрасль получает откровенные «оплеухи» со стороны Минфина России. В качестве примера непродуманности правительственных решений,

отсутствия анализа их последствий для развития отечественного нефтегазового комплекса можно привести недавний налоговый маневр в отрасли, призванный резко снизить экспортную пошлину на нефть за счет роста НДС. Минфин России, ни с кем не советуясь, его откровенно продавил. В результате были созданы диспропорции, которые привели к тому, что и так высокая нагрузка на Западную Сибирь выросла еще больше. В итоге объемы эксплуатационного бурения в отрасли упали. Если раньше объемы росли на 11% в год, то в этом году мы уже приблизились к нулю – 2,7%. Чтобы просто держать добычу на прежнем уровне, нам каждый год нужно увеличивать объемы бурения на 7–10%.

Такой хитрый налоговый ход приведет к росту цен на нефть на внутреннем рынке. У нас далеко не все компании занимаются экспортом, выгода от снижения экспортной пошлины их не коснется. НДС же платят все, и его рост, безусловно, приведет к тому, что на заправках подорожают бензин и дизельное топливо. Этот налоговый маневр (его следовало бы назвать налоговым зигзагом) – удавка на шее малых компаний. Они экспортом не занимаются.

Подобные вопросы в первую очередь должны обсуждаться с нефтяным сообществом и компаниями. Пока этого нет.

Мы последовательны в своих взглядах, своей позиции, что государственное регулирование должно быть базовой составляющей формирования мер, которые обеспечили бы нормальное функционирование ТЭК и его эффективное развитие в интересах государства, его населения и частного капитала. Это первое.

Второе: участие государства должно быть гораздо более качественным и более эффективным, чем сейчас. Мы предлагаем создать в рамках всей страны стройную систему управления инновационным процессом, разработки определенных стандартов, механизмов стимулирования внедрения новых технологий. Кроме того, следует создать единый государственный центр с функциями проведения всей инновационной политики в отраслях, в том числе и в НПК, внедрения новых технологий, государственного мониторинга выполнения инвестиционных программ, оценки результатов принятых решений, законов для коррекции стратегии и тактики.

Повысить действенность системы государственного управления и регулирования в сфере недропользования можно, на наш взгляд, концентрацией отраслевых функций на федеральном уровне, возможно – образованием специального центра анализа и мониторинга, возможно – формированием системы филиалов федеральных центров или агентств по минеральным ресурсам на региональном уровне. Задача предлагаемых федеральных центров аналитики и управления – согласовывать

корпоративные интересы и государственные программы и стратегии, вести полноценный мониторинг в системе недропользования.

Возврат государства в ключевые стратегические секторы, одним из которых является нефтегазовый комплекс, – острая необходимость. И это соответствует мировому опыту. Возрастание роли государства в экономической жизни – лишь временное средство решения кризисных проблем. И главное – чтобы госрегулирование не принимало всеобъемлющего характера, не работало в интересах монополистических и политических групп. И, подчеркну это особо, говоря об усилении госрегулирования, мы категорически против мелочной регламентации госорганами производственной деятельности, мы всячески боремся с зарегулированностью тех сфер производственного процесса, которые в этом вовсе не нуждаются. Государственному мониторингу выполнения инвестиционных программ, оперативному анализу и оценке результатов принятых решений, законов, что необходимо для коррекции стратегии и тактики, – всему этому мы говорим да! Но нет – бюрократическим препоном при согласовании строительства, разведочного и эксплуатационного бурения, при регистрации и при получении кредитов.

Естественно, всё это требует совершенствования законодательной и нормативно-правовой базы.

В ПРАКТИКУ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ – МОБИЛИЗАЦИОННУЮ СОСТАВЛЯЮЩУЮ

На специальном заседании Госсовета в Нижнем Новгороде Владимир Путин подчеркнул необходимость совершить экономический рывок в реальном секторе, повысить его конкурентоспособность... Понятие «мобилизационная экономика», о чем громко сказал президент страны, должно быть немедленно введено в обиход исполнительной власти и в практику развития промышленности. В дополнение к этому, сегодня речь всё-таки должна идти уже об элементах планового управления экономическими процессами. Подчеркиваю: о введении комплексных элементов плановости.

Развитию экономики России, ее нефтегазовой, перерабатывающей промышленности надо помогать: прикрывать защитными пошлинами, развивать систему протекционизма и т.д. Тогда национальная продукция может стать конкурентоспособной – по сложившейся практике развитых стран мира, которые действуют невзирая на правила ВТО. Просто, оценивая последствия международной конкуренции для различных отраслей экономики, надо четче осваивать механизмы ВТО и использовать их в своих интересах.